

наталья
перевезенцева

ПРОГУЛКИ по ПЕТЕРБУРГУ

С ВИКТОРОМ БУЗИНОВЫМ

36

увлекательных
путешествий
по Северной столице

Всё о Санкт-Петербурге

Наталия Перевезенцева

**Прогулки по Петербургу с
Виктором Бузиновым. 36
увлекательных путешествий
по Северной столице**

«Центрполиграф»

2014

Перевезенцева Н. А.

Прогулки по Петербургу с Виктором Бузиновым. 36 увлекательных путешествий по Северной столице / Н. А. Перевезенцева — «Центрполиграф», 2014 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Виктора Михайловича Бузинова знал каждый житель Ленинграда – Петербурга по еженедельным воскресным радиопрограммам. В них он рассказывал о малоизвестных событиях из истории города, о достопримечательностях и об архитектуре Северной столицы. Иногда он «солировал», но чаще в эфире звучали и собеседники – авторитетнейшие знатоки-краеведы. В их числе была и автор этой книги – Наталия Анатольевна Перевезенцева. Ей удалось успешно воспроизвести стилистику бесед В. М. Бузинова, по формату, информационной насыщенности и даже по интонации... Читателей ждут тридцать шесть увлекательных прогулок по Северной столице. Готовы? В путь!

Содержание

Предисловие	7
Адмиралтейский район	8
Екатеринин двор	8
Коломна, Покровка, Пушкин...	16
Церковь с «бутылочкой»	21
Василеостровский район	28
Купцы, художники, поэты...	28
«Новый Петербург»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталия Перевезенцева

Прогулки по Петербургу с Виктором Бузиновым. 36 увлекательных путешествий по Северной столице

Светлой памяти Виктора Михайловича Бузинова посвящается

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подбор иллюстраций Е. В. Новгородских

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Перевезенцева Н. А., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

Передача «Прогулки по Петербургу», которую вел на Радио «Петербург», а затем на «Радио России», журналист Виктор Бузинов, пользовалась громадной популярностью. Открывать для себя неизвестные уголки Великого города, возвращаться в любимые места и вдруг узнавать о них нечто новое, неожиданное – это так увлекательно. Тем более что собеседниками Виктора Бузинова были архитекторы, поэты, историки – и просто петербургские старожилы, которым есть о чем вспомнить.

Так случилось, что и мне пришлось участвовать более чем в пятидесяти «Прогулках». Мы с Виктором Михайловичем побывали на Аптекарском острове и в Семенцах, в Московском Парке Победы и в Старой Деревне, добрались даже до границ города, забравшись на Дудергофские высоты. Правда, на Васильевском острове побывали всего два раза, а в некоторые районы так и не собрались. Не успели...

И вот, в письмах на радио, на встречах с читателями, просто в случайных разговорах мне часто задают вопрос: «А где можно прочесть то, о чем вы рассказывали?». Что ж, – кое-какие материалы радиопередач вошли в мою первую книгу о Пушкинской улице и ее окрестностях,¹ и во вторую – «По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины».² Ряд статей публиковался в газетах и журналах. Но это далеко не все, что звучало в радиоэфире.

Так и возникла мысль собрать свои «Прогулки» и напечатать. Кроме того, при подготовке передачи нужно было вписываться в десяти или пятнадцатиминутный формат, из-за чего приходилось жертвовать многими интересными деталями и фактами. Поэтому в книге «Прогулки» несколько расширены. Пришлось и заново пройти по местам, упоминаемым в книге, – многое изменилось (иногда в лучшую сторону, иногда – в худшую), особенно в связи с прогремевшим 300-летьем Санкт-Петербурга.

Я попыталась придерживаться формы «Прогулок», чтобы каждый, кто взял в руки эту книгу, мог открыть любую главу и, пользуясь ею, как путеводителем, совершить небольшое путешествие по городу. Впрочем, относясь со всем уважением к именам, фактам и датам, я оставляю за собой право авторского видения и истолкования кое-каких реалий, встреченных на пути, а также известных и малоизвестных исторических событий.

И последнее (не по значению – по месту в тексте). Я отдаю себе отчет, что без Виктора Михайловича Бузинова не было бы не только этой книги, но и предыдущих моих книг. Поэтому краеведение – краеведением, но больше всего мне хотелось бы вспомнить о прекрасном человеке, журналисте высочайшего класса, с которым мне выпали честь и радость прогуляться по нашему любимому городу.

Итак, включен старенький диктофон, и звучит до слез знакомое: «Виктор Бузинов. Прогулки по Петербургу»...

---

¹ Перевезенцева Н. Я вышла из дома... Книга о Пушкинской улице и не только о ней. СПб., 2001; 2-е издание исправленное и дополненное. М.-СПб., 2011.

² «По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины». СПб., 2003.

Адмиралтейский район

Екатеринин двор

На протяжении всей книги не один раз придется говорить, что передача прошла давно и многое изменилось... Что касается Екатерингофа – ходили слухи о передаче парка «в частное владение», из чего, кажется, ничего не вышло. Но попробуйте увидеть Екатерингоф таким, каким он был, когда Виктор Михайлович включил здесь свой старенький «Репортер».

Парк, в который мы вошли, вообще-то носит название Парка имени 30-летия ВЛКСМ, и на главной аллее его установлен памятник молодогвардейцам. Это авторская копия памятника, надеюсь, еще стоящего в городе Краснодоне (ск. В. И. Мухин и В. И. Агибалов, арх. В. Х. Федченко). Первая часть парка довольно ухоженная – расчищены дорожки, есть кафе, аттракционы – словом, обычный парк культуры и отдыха. Но дальше, перейдя шумную Лифляндскую улицу, мы входим в запущенную и наиболее старую часть парка, неожиданно оказываясь на берегу реки Екатерингофки (даже не верится, что она такая широкая). Там за рекой Гутуевский остров, заводы, краны морского порта. И – восстанавливаемая церковь Богоявления Господня – массивное здание в стиле московской архитектуры XVII века (проект В. А. Косякова и Б. К. Правдзика). Храм заложен в память чудесного спасения цесаревича Николая (будущего императора Николая II) при нападении на него японского фанатика в городе Отсу в 1891 году. В 1930-х годах церковь, естественно, закрыли и отдали под склад, ну, а сейчас здание передано верующим и ведется его реставрация.

А место, где мы сейчас с вами находимся, непосредственно связано с самыми первыми страницами истории нашего города.³

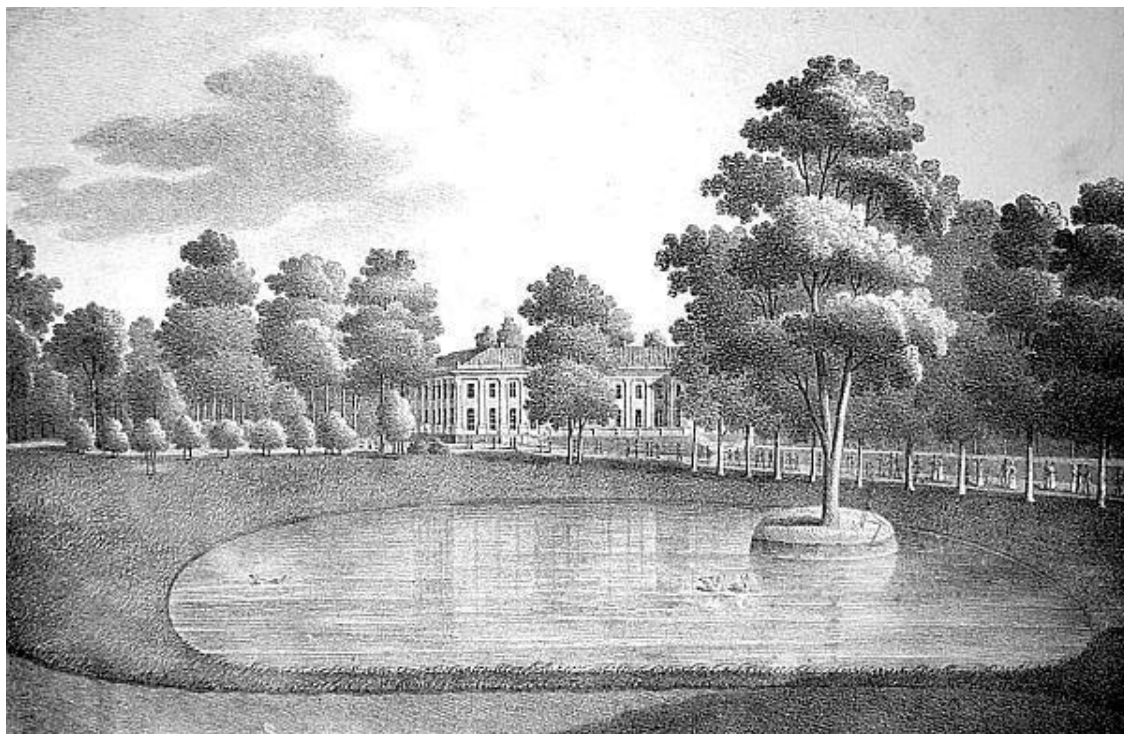
---

³ Некоторые факты взяты из: Андреев А. И. Остров Екатерингоф: Невский архив. Историко-краеведческий сборник II. М.-СПб., 1995.

Церковь Богоявления Господня на Гутуевском острове

Екатерингоф. Дворец Петра. 1824 год

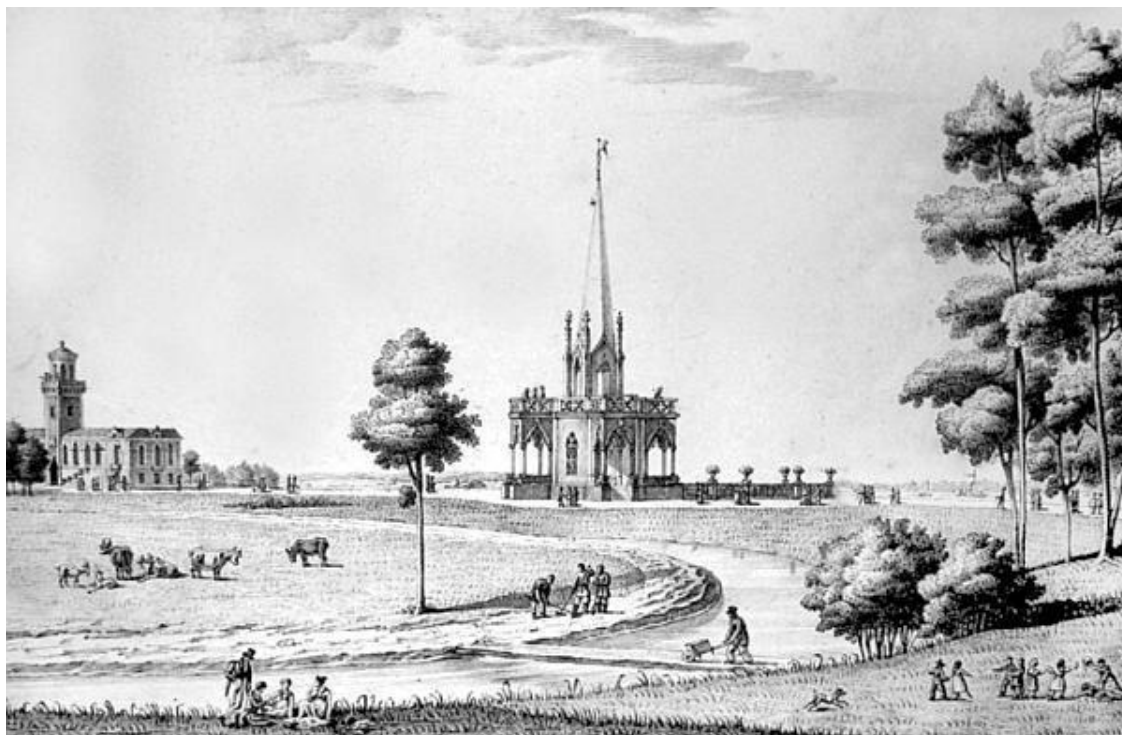
В 1703 году в устье реки Фонтанки (тогда Безымянного Ерика), напротив деревни Калинкиной, флотилия из 30 лодок под командованием самого Петра I атаковала и захватила два шведских судна «Астрильд» и «Гедан». Это была первая морская победа России в Северной войне и, наверное, места, где это произошло, стали особенно дороги Петру. Именно здесь на топком лесистом берегу Черной речки, на острове, в 1711 году он закладывает дворец и усадьбу Екатерингоф (дословно «Екатеринин двор»). Царь дарит усадьбу своей жене Екатерине, памятуя еще и о том, что неподалеку от этого места в маленьком храме он в 1707 году обвенчался с ней.

С самого начала усадьба Екатерингоф была усадьбой семейной. Небольшой деревянный дворец (возможно, по проекту Д. Трезини, хотя документов не сохранилось), подъездной канал, сад «в голландском стиле». А неподалеку – два маленьких дворца дочерей Петра Елизаветы и Анны, соответственно – Елизаветгоф и Анненгоф. Петр, по-видимому, любил свою новую загородную резиденцию, по крайней мере, сохранились описания, как шлюпочная флотилия во главе с яхтой адмирала Апраксина отчаливала от Заячьего острова и с музыкой отправлялась в Екатерингоф. Гости сходили на берег, гуляли, обедали – в роще позади дворца накрывали для этого большой стол, – а потом отправлялись в обратный путь: по судоходной тогда Черной речке (позднее – Таракановка) плыли до самой Фонтанки. Таракановку в начале XX века почти всю засыпали. Осталась небольшая ее часть, ограничивающая Екатерингоф с юга. Кстати, извилистая улица Циолковского – это бывшее русло Таракановки.

После смерти Петра парк и усадьба знавали разные времена. Начал перепланировку парка знаменитый архитектор Ш. Леблон, но, к сожалению, не довел дело до конца, и нам остались только задуманные им, но ныне заросшие круглые пруды. Во времена Анны Иоанновны, страстной охотницы, пытались устроить здесь «ягтгартен», то есть охотничий парк. Екатерина II перевела сюда из Красного Села оранжереи. Но все эти затеи как-то до конца не доводились, и к 20-м годам XIX века парк и дворец пришли в запустение. Правда, сама собой сложилась традиция массовых гуляний в парке 1-го Мая и на Троицын день, но отзывы современников о них были довольно сдержанными. Подсчитывалось, в основном, количество питейных заве-

дений. Есть еще и упоминание в мемуарах Джакомо Казановы, что он, будучи в Петербурге, обедал у знаменитого ресторатора из Болоньи Локателли. Ресторация Локателли – это бывший Анненгоф. Но к 1801 году Анненгоф обветшал и был продан на слом, а Елизаветгоф вообще в 1752 году смыло наводнением.

Но вот в 1820 году за Екатерингоф берется генерал-губернатор Петербурга граф Михаил Милорадович. Человек необыкновенно деятельный, безрассудно смелый, герой войны 1812 года, он и погиб-то на Сенатской площади от выстрела декабриста Каховского, когда отважно выехал к бунтовщикам и призывал их вернуться в казармы. И во время страшного наводнения 1824 года он объезжал город на катере и руководил спасением людей. Хороший, наверно, был у Петербурга губернатор... когда-то. По замыслу Милорадовича традиционное первомайское гулянье в Екатерингофе должно было проходить с блеском и размахом, напоминая знаменитый Лоншан под Парижем. Он привлекает к перепланировке парка малоизвестного тогда архитектора Огюста Монферрана, и тот активно берется за дело. Парк делится на две половины – как бы «познавательную» и «развлекательную». В «познавательной» части приводится в порядок дворец, и в нем устраивается музей, посвященный памяти Петра и его эпохи. Во дворец назначают штат смотрителей (в том числе старого камер-лакея, помнящего еще императрицу Елизавету), перевозят личные вещи Петра, восстанавливают убранство залов. Расчищаются дорожки, углубляются пруды и подъездной канал, ведущий ко дворцу. Появляются новые мостики, в том числе – первый висячий пешеходный мостик в Петербурге (арх. В. Беретти, инж. П. Базен). На берегу Екатерингофки возводятся Павильон Львов и Ферма, ставшая летней резиденцией генерал-губернатора. Кстати, недалеко от дворца устроили «детский уголок» с каруселями и кегельбаном. Может быть, это была первая детская площадка в России.

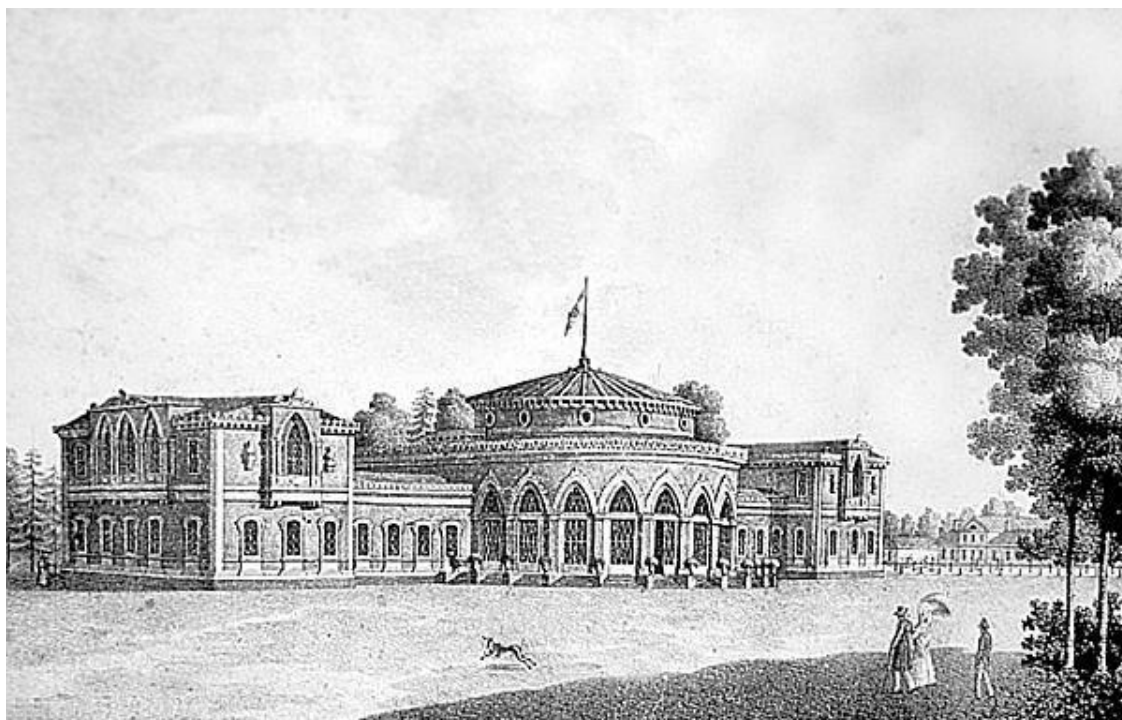
Екатерингоф. Ферма и Львиный павильон. 1824 год

В другой части парка, за мощеным булыжником шоссе тоже появилось много интересного. «Воксал»⁴ с танцевальным и концертным залом, Китайский павильон, «Русская изба»,

---

⁴ Напомню, что слово «воксал» произошло от фамилии Джейн Вокс – содержательницы увеселительного заведения-сада

где подавали мед, квас и чай, карусели, катальные горы – множество затей для публики самых разных классов. Гулянье 1-го Мая считалось «народным», но охотно посещалось аристократической публикой и членами царской семьи. В «воксале» давались концерты, балы. Кстати, огромной популярностью среди екатерингофской публики одно время пользовалась женщина-скрипачка, которая еще и дирижировала оркестром. Кавалькады, маскарадные выезды, балы, цыгане – чего только не видел Екатерингоф.

Екатерингоф. «Воксал»

Вспомним сцену из очень известного романа. «Князь стремглав бросился к подъезду, где все рассаживались на четырех тройках с колокольчиками. Генерал успел догнать его еще на лестнице.

– Помилуй, князь, опомнись! – говорил он, хватая его за руку: – брось! Видишь, какая она! Как отец говорю...

Князь поглядел на него, но, не сказав ни слова, вырвался и побежал вниз.

У подъезда, от которого только-что откатали тройки, генерал разглядел, что князь схватил первого извозчика и крикнул ему: „В Екатерингоф, вслед за тройками“». ⁵

Но во второй половине XIX века Екатерингоф приходит в упадок. Его окружают сплошным кольцом фабрики и заводы, река Таракановка отравляется сточными водами. Аристократическая публика покидает парк, монферрановские постройки одна за другой идут на слом. Единственным памятником блестящего века Екатерингофа остается колонна у Молвинского моста, там, где Лифляндская улица пересекает Таракановку. Эта колонна, так называемый «Молвинский столп», стояла когда-то на территории дачи сахарозаводчика Молво, но легенда гласит, что под ней был похоронен любимый конь Петра I, персидский скакун Лизетта. Несколько странно: женское имя для жеребца! По преданию, Лизетта находил (находила?) своего хозяина в любой битве, из глаз у него катились слезы, если Петр отменял поездку, и ему даже позволялось присутствовать на пирах (естественно, когда они происходили на открытом

в Лондоне.

⁵ Ф. М. Достоевский. «Идиот». Именно в разгульный Екатерингоф увозит Парфен Рогожин Настасью Филипповну.

воздухе). На самом деле чучело Лизетты после смерти поступило в Кунсткамеру, а сейчас хранится в Зоологическом музее.

«Молвинский столп». Фотография В. Ходановича. 2013 год

Большой пруд в парке Екатерингоф. Фотография В. Ходановича. 2013 год

По другой легенде, именно на этой колонне Петр приказал выставить отрубленную голову Виллема Монса, любовника своей жены, и не однажды проезжал мимо в карете в сопровождении Екатерины, заставляя ее не отворачиваться от ужасного зрелища.

Окруженный фабриками и рабочими районами, Екатерингоф потерял былой блеск, парк зарастал, дворец разрушался. Район считался «неблагополучным», недаром именно здесь в 1891 году возле устья Екатерингофки состоялась первая маевка. О ней напоминает обелиск у проходной судостроительного завода «Северная верфь».

Судьба Екатерингофского дворца в советское время сложилась печально. Его передавали с баланса на баланс, он три раза горел и, в конце концов, был продан на слом или просто разобран местными жителями «на дрова». Пока еще можно определить, где он стоял, видны следы фундамента. Пруды и подъездной канал не расчищены, зарастают дорожки. В приличном состоянии поддерживается лишь часть парка за Лифляндской улицей.

В общем, всё так, как в стихотворении Александра Кушнера:

В одном из ужаснейших наших
Задымленных, темных садов,
Среди изувеченных, страшных,
Прекрасных древесных стволов.
У речки, лежащей неловко,
Как будто больной на боку,
С названием Екатерингофка,
Что еле влезает в строку,
Вблизи комбината с прядильной
Текстильной душой нитяной
И транспортной улицы тыльной,
Трамвайной, сквозной, объездной,

Под тучей, а может быть, дымом,
В снегах, на исходе зимы,
О будущем, непредставимом
Свиданье условились мы.
Так помни, что ты обещала.
Вот только боюсь, что и там
Мы врозь проведем для начала
Полжизни с грехом пополам.
А ткацкая фабрика эта,
В три смены работая тут,
Совсем не оставит просвета
В сцеплении нитей и пут.⁶

---

⁶ Кушнер А. Таврический сад: Стихи. Л., 1984.

Коломна, Покровка, Пушкин...

Название района «Коломна» кто-то выводит от немецкого слова «колония», кто-то – от выходцев из села Коломенского под Москвой. Есть и такое мнение: «виноват» в появлении слова «Коломна» первый архитектор Петербурга Доменико Трезини, называвший просеки для будущих улиц «колоннами», а далее народная этимология превратила их в «коломны».

Границы Коломны – Фонтанка, Крюков канал, Мойка и Большая Нева. Канал Грибоедова делит местность на Большую и Малую Коломну.

Долгое время Коломна оставалась местом тихим, провинциальным. Даже в конце XIX – начале XX веков, когда строительный бум добрался до нее и началось строительство доходных домов (один из них, № 105 по Садовой, выходящий и на Английский проспект, и на площадь Тургенева, построенный по проекту архитектора В. Розинского, до сих пор обращает на себя внимание эффектной башенкой и впечатляющими размерами), даже и тогда селились в Коломне люди небогатые – купцы средней руки, отставные чиновники, конторщики, повивальные бабки, театральные капельдинеры... Хорошо описал Коломну Николай Васильевич Гоголь: «Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья».⁷

В центре небольшой коломенской площади построена была в 1812 году церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Проект выполнил архитектор Иван Старов (это его последняя воплощенная в жизнь работа) и как-то сразу площадь стала называться Покровской или просто – Покровкой.

Совсем недалеко от Покровки – дом адмирала Клокачева (Фонтанка, 185), где в квартире родителей поселился в июне 1817 года после окончания Лицея Александр Сергеевич Пушкин. Было ему в ту пору восемнадцать лет, и можно представить себе – с каким восторгом молодой человек окунулся в водоворот развлечений, новых знакомств, приключений после восьми лет «монастырской» жизни. Тут и увлечение театром, и новые друзья, и влюбленность в прекрасную светскую женщину Авдотью Голицину, «ночную княгиню». И наряду с этим – кутежи, дуэли, дамы полусвета, всякие там Оленьки Массон и Лизаньки Штейн. Помните?

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты.

И помножьте все это на арапский темперамент – какая там тихая Коломна! Да он здесь и не бывал почти – только когда болел, или было туго с деньгами. И в стихах его того времени никакой Коломны вы не найдете. Мы знаем, что недолгое пребывание в Петербурге кончилось ссылкой в мае 1820 года, больше Пушкин в Коломну не возвращался. Вот только в 1831 году, в Болдине, когда он мучился от невозможности выехать в холерную Москву, ему вдруг вспомнилось:

... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,

---

⁷ Н. В. Гоголь. «Портрет».

В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

Покровская церковь

Это прелестный «Домик в Коломне». Значит, все-таки не прошла для Пушкина бесследно жизнь на тихой петербургской окраине. Тем более, что в Покровской церкви встретил он когда-то прекрасную графиню Стройновскую – одну из тех женщин, что подсказали ему образ Татьяны Лариной.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! Всё гляжу направо...
<...>
Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

Екатерине Буткевич, дочери боевого генерала, девушке замечательной красоты, исполнилось семнадцать лет, когда она встретила графа Александра Татищева. Молодые люди полюбили друг друга, считались женихом и невестой... но отец Татищева решил, что невестка из родовитой, но обедневшей семьи ему не подходит. Может быть, надо было встретиться со стариком Татищевым, объясниться, но отец Екатерины генерал Буткевич был горд... Положение оставленной невесты, слухи, сплетни, пересуды – через все это пришлось пройти Катеньке. И вот, в гостях у родственников, она встречает семидесятилетнего графа Валериана Стройновского, человека светского, европейски образованного, тонкого ценителя женской красоты и, вдобавок, сказочно богатого. Граф сделал предложение Екатерине Буткевич. Отец не принуждал Катеньку, наоборот... Но мать объяснила девушке, какие перспективы открывает этот брак – и для самой Екатерины, и для ее сестер и братьев. Словно сцена из «Евгения Онегина»...

Меня с слезами заклиний
Молила мать. Для бедной Тани
Все были жребии равны...

Наверное, «все были жребии равны» и для Екатерины Буткевич. На Покровке состоялось венчание, и Катенька вышла из Покровской церкви графиней Стройновской.

Брак нельзя было назвать неудачным, правда, графу пришлось с осторожностью выводить жену в свет, потому что на первом же балу она произвела неизгладимое впечатление на императора Александра I, да и поклонников у нее сразу же появилось больше, чем нужно. Поэтому она в основном сидела дома, воспитывала дочь Ольгу, ходила к обедне в Покровскую церковь, где ее и увидел Пушкин. Всем она казалась спокойной, уверенной в себе – но угадал ведь Пушкин «тайное горе» красавицы-графини. И через десять лет не забыл...

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам – она была несчастна...

Памятный знак на площади Тургенева, на месте Покровской церкви

Екатерина Буткевич-Стройновская пережила и разорение мужа, и его самого, вышла замуж во второй раз, говорили, что по любви. Воспоминаний она не оставила.

И еще несколько слов о Коломне, не из личного опыта (мое детство прошло в других районах, на Покровку я попала уже взрослой). Герман Борисович Гоппе в своей книге «Твое открытие Петербурга» вспоминает, что его бабушка, человек глубоко религиозный, упорно

называла Покровскую церковь Пушкинской. И это не было кощунством – так уж слились в памяти нескольких поколений Коломна, Покровка, Пушкин...

А саму Покровскую церковь, как «малохудожественную» снесли в 1934 году.

Это, наверно, самая короткая наша передача. Так уж совпало, что почти одновременно Виктор Михайлович записал передачу с Владимиром Герасимовым – о том, где мог находиться «домик в Коломне». И попросил меня, уже на месте, о «домике в Коломне» не распространяться. Пришлось перестраиваться на ходу.

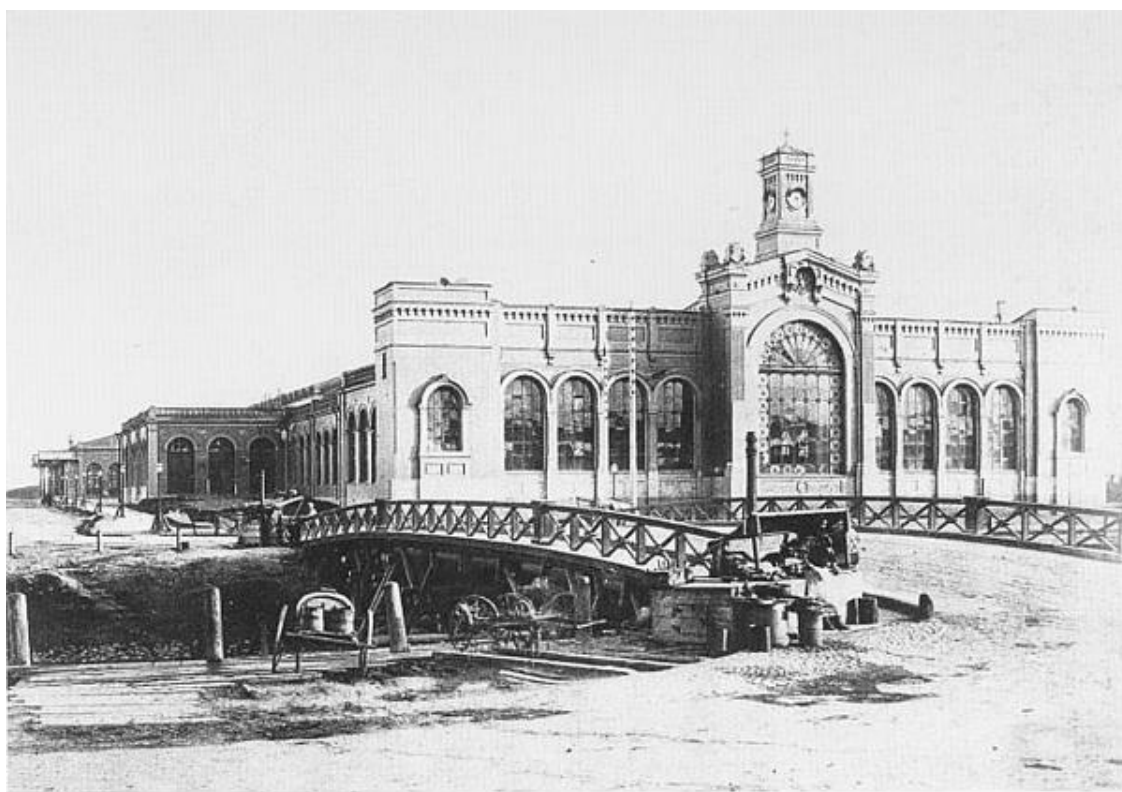
До сих пор жалею, что не слышала герасимовской передачи. Говорят, было очень интересно. Не сомневаюсь: умел Виктор Михайлович выбирать собеседников.

А на месте Покровской церкви – памятный знак серого гранита. Восстанавливать ее, кажется, не собираются. И еще – недавно зазвучало над Коломной грозное слово «реновация». Что-то будет...

Церковь с «бутылочкой»

Когда стоишь возле вокзала, всегда представляешь – как приезжает человек в город, откуда, зачем... А если дело происходит в Петербурге, в столице, то это особенно интересно – ведь Петербург – город приезжих.⁸ Так повелось со времен Петра – прибывали со всех концов России, по своей или не по своей воле – и оставались. Молодой город насчитывает едва ли более девяти—десяти поколений жителей (если считать поколением 30 лет). Мы не знаем ни одного крупного русского писателя (до Александра Блока), который родился бы в Петербурге. Даже герои Федора Михайловича Достоевского, олицетворяющие для нас петербуржцев – и те приезжали в столицу учиться или работать. Если Париж, в каком-то смысле – олицетворение Франции, Рим – Италии, то столица России – наименее русский город из всех существовавших. Здесь всегда было большое количество иностранцев, многие из которых во втором-третьем поколении становились совершеннейшими россиянами, даже сохраняя, скажем, лютеранскую веру. Вспомним семьи Трезини, Бенуа, род Блоков...

Варшавский вокзал. Открытка начала XX века

А мы стоим сейчас у Варшавского вокзала, связывавшего когда-то Петербург с западными губерниями, а через них – с Европой. Он был одним из самых молодых наших вокзалов – после него построен только Финляндский.⁹

---

⁸ Эту идею и ее аргументацию я почерпнула из статьи петербургского литератора Самуила Лурье. Но, где она была напечатана, увы, не помню.

⁹ Теперь еще и Ладужский.

Строилась железная дорога Петербург—Варшава в несколько этапов. Сначала открылось движение поездов до Пскова, а в 1862 году – до Варшавы. И вокзал тоже строился поэтапно – сначала по проекту Ксаверия Скаржинского возвели два корпуса параллельно путям, и пространство между ними перекрыто кровлей. Главный фасад, обращенный в сторону Обводного канала, тогда напоминал здание Московского вокзала, демонстрируя, так сказать, стиль «ренессанс». С возрастанием объема перевозок здание вокзала стало тесным, и в 1860-х годах его перестроили. Автор проекта – архитектор Петр Сальмонович. Со стороны Обводного канала здание получило могучие арочные проемы, застекленные, пропускающие свет в крытый «путевой двор», и было увенчано часовой башенкой. Там, где стоит сейчас статуя Ленина,¹⁰ находилось большое витражное окно. Позднее, правда, на этом месте построили часовню в память чудесного спасения царской семьи в Борках. (Кстати, именно здесь произошло покушение эсера Егора Сазонова на министра внутренних дел В. К. Плеве в 1904 году. Сохранилась фотография вокзала с разбитым центральным окном.)

Особенно интересен был вид на вокзал со стороны путей – мощные металлические перекрытия, новаторские конструкции – первые шаги нарождающегося «железного стиля». Рядом с вокзалом по проекту того же архитектора построили дома для служащих Варшавской железной дороги.

Отсюда с Варшавского вокзала уезжал к умирающему отцу в Варшаву Александр Блок. Помните, в поэме «Возмездие»?

Но все, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

Кстати, в недавние времена существовал проект уничтожения Варшавского вокзала, через него должна была пройти трасса, соединяющая Измайловский и Ново-Измайловский проспекты. Существовал и проект передачи здания вокзала Музею техники. То есть его всё время хотят закрыть, передать его функции соседнему Балтийскому вокзалу, но пока что это не осуществилось.¹¹

---

¹⁰ Напоминание: стояла.

¹¹ Опять напоминаю удивленному читателю, что передача записывалась давно.

Вознесенская церковь и Варшавский вокзал

Ну вот, раз уж мы заговорили о приезжих, вспомним об огромной массе людей со всей России, приезжавших в столицу на заработки. Это и сезонные рабочие, и те, кто уезжал на лето и возвращался осенью, множество заводских рабочих, наемной прислуги, грузчиков, извозчиков... Вот, здесь рядом Обводный канал, прорытый в 1803–1835 годах под руководством военных инженеров И. К. Герарда и – позднее П. П. Базена. Прошел он по южной границе города, и считалось, что строительство его поможет отвести невскую воду в случае наводнения. Последнее не подтвердилось, а «водной дорогой» Обводный стал почти сразу. По его берегам, как грибы возникали склады, фабрики – ведь подвоз грузов по воде дешевле, чем по суше. Может быть, именно здесь увидела поэтесса Мария Моравская героев своего стихотворения «Грузчики».

Утра зябнут под ветром, а вечер – сырой.
Лишь день утомительно жаркий.
Пахнет даже гранит березовой корой,
Там, где грузят глубокие барки.

Быстро, тачка за тачкой, провозят дрова
По скрипучим и шатким сходням...
Те же окрики слышались, те же слова, —
Прошлым летом, вчера и сегодня.

Мне их странно жалеть, этих крепких рабочих, —
Богатырь предо мной каждый грузчик.
Но их труд торопливый в белые ночи
Вызывает так много грусти...

О, я знаю для многих родные деревья

Стали только саженьями дров.
Но иной, уходя в городское кочевье,
Горсть земли в котомке унес...

И мне кажется здесь, — я с ними тоскую.
С ними в город пришла с котомкой,
И когда я травинку меж плит поцелую, —
Не все расхохочутся громко...¹²

---

¹² Мария Моравская. «Грузчики»: Петербург в русской поэзии (XVIII—начало XX века): Поэтическая антология. Л., 1988.

Церковь Воскресения Христова

И вот представьте себе огромные массы оторванных от родных мест людей, ютящихся по углам и баракам, работающих от зари до зари... Впрочем, об условиях жизни и труда рабочих мы знаем прекрасно, нас этому учили, мы читали об этом у классиков. Да, грязь, непосильный труд, тяжелое до озверения пьянство... Но интересно, что в конце XIX века именно в среде рабочих зарождается самое широкое и непревзойденное до сих пор трезвенническое движение. Надо отдать справедливость, возглавило его духовенство. И церковь Воскресения Христова рядом с Варшавским вокзалом – память о тех удивительных временах.

Эта церковь построена на средства «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви» и передана в ведение Всероссийского Александро-Невского Братства трезвости. Проект архитекторов Германа Гримма, Густава фон Голи и Андрея Гуна. В народе ее называли «церковь с бутылочкой». Будто бы ее колокольня специально сделана похожей на бутылку. В храме хранилась икона «Неупиваемая чаша», перед которой пьющие люди давали обет трезвости и молили об исцелении. Кстати, еще эту церковь называли «кабацкой», потому что она якобы строилась на отчисления в течение года по одной копейке с каждой тысячи рублей прибыли каждого кабака Российской империи. Но, скорее всего, это легенда. Еще церковь называли «Варшавкой» – по местоположению, рядом с Варшавским вокзалом.

Основателями движения трезвенников в России считаются два священника – отец Александр Рождественский, священник церкви Воскресения Христова и отец Иоанн Острогорский, служивший в Сампсониевском соборе. Именно о. Александр стал инициатором строительства каменного храма на месте ранее существовавшей деревянной церкви. Строился храм около четырех лет, и во время революции 1905 года поступление средств практически прекратилось, что грозило остановкой строительства. Тогда купец Дмитрий Лаврентьевич Парфенов отдал свое личное состояние (многие тысячи рублей) на постройку, за что ему повелением Николая II присвоили чин статского советника. Храм освятили в 1908 году, а о. Александр умер в 1905, не дождавшись окончания строительства. Но он успел объединить разрозненные группы трезвенников во Всероссийское братство, целью которого было не только соблюдение трезвости, но и «развитие целостного христианско-органического начала жизни». Рядом с церковью по проекту того же Густава фон Голи возведено трехэтажное здание школы и библиотеки с читальней. Кстати, главный 1000-пудовый колокол новой каменной церкви назвали «Отец Александр», в память об основателе общества. И еще о. Александр ввел в обычай крестные ходы трезвенников в Троице-Сергиеву пустынь на Петергофской дороге.¹³

Обычно ходы проводились летом. С раннего утра у церкви Воскресения Христова собирався народ. Шли по Петергофской дороге, неся кресты, хоругви. Иногда крестный ход растягивался на 1,5–2 версты. К Троице-Сергиевой пустыни стекались и трезвенники из Царского Села, Ораниенбаума, Мартышкина, Красного Села. В 1914 году, например, в крестном ходе участвовало около 80 тысяч человек. Монастырская братия выходила навстречу паломникам, и в главном соборе пустыни совершалось богослужение. Богомольцев обносили хлебом и квасом, а в четвертом часу, под колокольный звон, они отправлялись в обратный путь. Кстати, большой вклад в трезвенническое движение внес митрополит Вениамин, тот, что был расстрелян большевиками в 1922 году. Сейчас он причислен к лику святых.

---

¹³ Бовкало А. Л. Святитель Вениамин и крестные ходы петербуржцев: Петербуржец путешествует. Сб. материалов конференции 2–3 марта 1995 года. СПб., 1995.

Памятник новомученикам Николаю II и Александре Федоровне около церкви Воскресения Христова

Церковь Воскресения Христова в 1930 году закрыли и возвратили верующим только в 1989 году. В Пасху 1990 года здесь состоялась первая служба. Кстати, и сейчас в храме проводится большая работа по распространению трезвого образа жизни среди населения. Тради-

ционным стал молебен перед иконой «Неупиваемая чаша», которая по-прежнему находится здесь. Вот такая церковь с «бутылочкой».

Прошло... В сущности, не так много времени прошло, а как все изменилось. Нет уже «рельса» в Европу, на месте Варшавского вокзала – торгово-развлекательный комплекс. Жаль только, что хозяева (и проектировщики) комплекса практически не использовали тему старинного вокзала. Стекло, алюминий, плитка, искусственный мрамор – но как стильно выглядели бы металлические арки на заклепках, витражные окна, не замалеванные рекламой... И черный паровоз с красными колесами мог бы стоять на путях, и форма работников комплекса напоминать железнодорожную, и бронзовому станционному колоколу нашлось бы место. Мечты, мечты...

А совсем недавно между зданиями Варшавского вокзала и храма Воскресения Христова появился памятник императору Николаю II и его супруге, императрице Александре Федоровне. Средства на его установку собрали прихожане, а инициатором создания памятника стал настоятель храма, архимандрит Сергей.

Василеостровский район

Купцы, художники, поэты...

Рассказ о доме № 10 по набережной Макарова, наверное, надо начать с описания окружающей местности. Река – Малая Нева, набережная – бывшая Тучкова. Совсем близко – Тучков мост. Названием своим и мост, и набережная обязаны купцу Аврааму Тучкову, на средства которого построен мост. Набережная Малой Невы от Стрелки до реки Смоленки никогда не была парадной, служила местом выгрузки и хранения товаров. Да и в гранит набережная оделась только в начале 1960-х годов. До этого ее откос был замощен булыжником. Вот и Тучков переулочек до сих пор сохранил редкое в нашем городе булыжное покрытие мостовой. Недаром здесь любят снимать фильмы из «старинной жизни».

Места, если можно так выразиться, «торговые». Действительно, и Биржа неподалеку, и Таможня. И старый Гостиный двор, спроектированный еще Доменико Трезини (вернее, его часть), все еще цел на Тифлисской улице неподалеку. А место, где мы сейчас находимся, связано с именами старинных купеческих родов. Дом № 12 по набережной – эффектный, с башенкой, построен на участке купеческой семьи Яковлевых. Яковлевы – уральский купеческий род, горнозаводчики. Здесь на берегу Малой Невы находились склады чугуна и железа, доставляемого с Урала, так называемый Сибирский двор. Современный красивый дом построен в начале XX века, когда участок уже принадлежал графу Стенбок-Фермору, женатому на одной из Яковлевых. А вот дома дальше по набережной, № 14 и № 16, это 20-е годы XIX века, архитектор Авраам Мельников. Типичные дома того времени, такими был застроен когда-то весь Петербург. На первом этаже лавки, на втором – конторы. Ну, а в третьем этаже сдавались квартиры.

Но вернемся к нашему дому № 10. Во-первых, он громаден. Он занимает целый квартал, образуя трапецию. С одной стороны он числится по Биржевому пер., 1, с другой – по Волховскому пер., 2. Когда-то это был обычный дом XVIII века, вытянутый вдоль набережной. Нынешние очертания он приобрел в 1841–1842 годах, когда архитектор Александр Христофорович Пель на месте старых строений возвел громадное трехэтажное здание с замкнутым двором. В доме сдавались квартиры, их снимали разные, в том числе и весьма известные люди. Так в 1848 году здесь некоторое время жила семья Ильи Чайковского. Для его сына, восьмилетнего Петра, это первый петербургский адрес.

Дом переходил из рук в руки, как и все петербургские доходные дома. И вот, в 1860-е годы его владельцем стал один из братьев Елисеевых, Григорий. В 1870-х годах дом перестраивает архитектор Людвиг Шперер. Внизу в первом этаже располагается магазин Елисеевых, выше – квартиры. Видимо, дом не случайно был куплен Елисеевым – здесь, на Васильевском, находилось, можно сказать, их родовое гнездо. В самом деле, за углом (Биржевая линия, 14) – дом, где располагались елисеевские квартира и контора. После передачи этого и соседних зданий Оптическому институту в доме квартировали сотрудники института, в частности, здесь жили известные физики Д. С. Рождественский и С. И. Вавилов, имя последнего носит институт. А по Биржевому переулку, напротив нашего дома, тянутся мощные здания портовых складов XVIII века с открытой аркадой первого этажа, наподобие здания Гостиного двора. Угловое здание (Биржевой пер., 2) – это знаменитые елисеевские склады, с которых, собственно, началась история фирмы. Здание надстроено в 1930-х годах, когда его передали Оптическому институту. Теперь оно украшено скульптурными эмблемами науки и техники.

Дом 10 по набережной Макарова. 2014 год

Итак, наш дом № 10 по Тучковой набережной принадлежал до 1918 года Елисеевым. Но как-то так случилось, что в нем начали селиться художники. Возможно, их привлекал великолепный вид на Петропавловку, светлые помещения, которые можно было использовать под мастерские. Во всяком случае, в доме успели пожить и живописец М. П. Клодт, и старший товарищ передвижников Г. Г. Мясоедов, и И. Н. Крамской, и И. И. Шишкин. Но вот в 1887 году известный архитектор Гавриил Барановский надстроил дом, и наверху появилась великолепная мастерская с огромным окном, выходящим на Петропавловку. С 1898 по 1910 год ее снимал Архип Иванович Куинджи. Здесь же находилась его квартира.

Архип Иванович был удивительным человеком.¹⁴ Он родился в Мариуполе, его семья имела греческие корни, сначала фамилия звучала «Еменджи». Вариант «Куинджи» появился только в 1857 году и означал по-татарски «золотых дел мастер». Это была профессия деда Архипа Ивановича.

Мальчик Архип потерял отца в возрасте 8 лет, вскоре умерла мать. Будущий художник жил в семье старшего брата Спиридона, пас гусей, помогал в лавке. То есть, никакого образования он фактически не получил. Однако так любил рисовать, так стремился «выучиться на художника», что сумел преодолеть все препятствия, приехать в Петербург, стать вольнослушателем Академии художеств и, в конце концов, – знаменитым художником. Картины его поражали современников. Известно, что, когда он выставил «Лунную ночь на Днепре», посетители выставки просили разрешения заглянуть за холст – нет ли там подсветки. Кстати, Куинджи был первым, кто организовал «выставку одной картины». И ведь на нее ломился «весь Петербург». Люди в очереди стояли, чтобы посмотреть не на жанровую картину, не на портрет известной личности, а на пейзаж. Слухи сопровождали художника – говорили, что, якобы, известный химик Дмитрий Иванович Менделеев (с которым Куинджи действительно дружил) подсказал ему рецепт каких-то удивительных светящихся красок. Хотя Куинджи, как и всякий худож-

---

¹⁴ Неведомский М. П., Ретин И. Е. А. И. Куинджи. СПб., 1913.

ник, экспериментировал с красками, смешивал их, но светятся они не потому, что какие-то особенные, а потому что «особенным» был глаз художника.

А. Куинджи

В жизни Куинджи есть некая тайна. В расцвете сил, будучи знаменитым, богатым, всеми признанным, он вдруг перестает выставлять свои картины и даже очень долго никому не показывает их. Что это было, почему – можно только строить догадки.

Но работать Куинджи не переставал. И продолжал преподавать. Сюда в эту мастерскую в доме на Тучковой набережной приходили Константин Богаевский и Вильгельм Пурвит, Николай Рерих, Аркадий Рылов и многие другие. По воспоминаниям современников, Куинджи был замечательным педагогом. Довольно часто случается, что мастер навязывает свое видение мира, свой стиль, и ученики превращаются в маленькие копии учителя, эпилгонствуют. Так бывает и в литературе, и в изобразительном искусстве. А вот Куинджи сумел воспитать разных художников, не подавить их индивидуальность, а наоборот – выявить ее.

Учитель, сотвори ученика —
Прекраснейшее из твоих творений, —
Твой мозг и сердце, и твоя рука —
Вот инструменты.
Пусть родится гений.

Учитель, воспитай ученика,
Подправь его неопытную душу,
Пока еще податлив он, пока,
Тебя он может слушаться и слушать.

Учитель отпусти ученика,
В неволе не проверит крыльев птица,
Пусть на тебя он смотрит свысока,
Пусть до тебя не хочет опуститься,

Пусть тень его полета и рывка
Падет и зачеркнет твою дорогу, —
Учитель, пощади ученика,
Прости его, Учитель, ради Бога!¹⁵

Это стихотворение Светланы Розенфельд, мне кажется, написано и об Архипе Ивановиче Куинджи. Он ведь был не только замечательным педагогом, но еще и удивительно добрым человеком. Сколько он помогал своим ученикам, и не только своим. Куинджи за свой счет возил молодых людей в Европу, где они осматривали музеи и художественные выставки. На его пожертвования в Академии были организованы Весенние выставки, где наиболее талантливые живописцы могли получить поощрительные премии.

Сейчас в мастерской и квартире А. Куинджи – музей. Я провела опрос моих знакомых, людей интеллигентных, и выяснила, что никто из них этот музей никогда не посещал. К своему стыду, я тоже побывала в нем совсем недавно. Может быть, кого-то он разочарует – не так много мемориальных вещей, работ Куинджи практически нет. Но когда видишь это светлое высокое помещение, громадное окно, выходящее на Малую Неву, возникает потрясающее ощущение подлинности пространства...

Но не только художниками славен дом № 10. Здесь в квартире Михаила Лозинского когда-то находилось издательство «Гиперборей».

По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз

Журнал под этим названием выходил с октября 1912 по декабрь 1913 года. В его издании принимали активное участие Николай Гумилев и Сергей Городецкий. А кабинет Лозинского видел и Анну Ахматову, и Осипа Мандельштама, и Георгия Иванова, и многих других поэтов Серебряного века. Кстати, Гумилев и Ахматова жили неподалеку, в Тучковом переулке, 17. Это – их первая с Ахматовой семейная квартира. Они шутливо называли свое жилище «тучкой».

Михаил Лозинский, блистательнейший наш переводчик, был еще и обаятельным, тактичным и глубоко порядочным человеком. Гумилев говорил, что, если бы пришлось показывать жителям Марса образец землянина, выбрали бы Лозинского – лучше не нашли бы.

Здесь в квартире Лозинского готовился к изданию второй сборник Ахматовой «Четки», принесший ей настоящую славу. Ну и еще надо добавить, что собиравшиеся у Лозинского были очень молоды. Гумилеву в 1914 году исполнилось 28 лет, Ахматовой – 25, Мандельштаму – 23. Не обходилось без шуток, розыгрышей. Так, направляясь в «Гиперборей», Мандельштам, задыхаясь от смеха, повторял:

---

¹⁵ Розенфельд С. В. След облаков: Стихотворения. СПб., 1999.

Не унывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой.

А на одном из заседаний авторы только что вышедших книг должны были сидеть в лавровых венках.

Литературная аура до сих пор окружает этот дом; на первом этаже расположен Центр современной литературы и книги.

Старинный дом на Тучковой набережной продолжает быть приютом писателей и поэтов, хранит память о замечательном художнике Архипе Ивановиче Куинджи... и в то же время остается домом, в котором живут люди. От души надеюсь, что они знают историю своего дома, гордятся им и берегут его.

Старый Гостинный двор на Тифлисской улице. 2013 год

А елисеевских-то складов уже нет... Вернее, они надстроены и переделаны в недешевый отель. В утешение себе могу сказать, что выглядит он все же лучше, чем жуткий новодел по соседству (элитный жилой комплекс «У Ростральных колонн»). Ну, а о скандале с высотками, испортившими вид на Стрелку, не слышал только ленивый. Когда-то Г. К. Лукомский писал об этом уголке Васильевского: «Наиболее цельный и самый старинный квартал сохранился, кажется, у Тучкова переулка на Васильевском. Здесь по Волховскому переулку тянутся низенькие плоские построечки едва ли не Петровского времени (такие же низенькие, но не столь старинные постройки тянутся по Иностранному переулку). Здесь же неподалеку, на углу Тучковой набережной и Тучкова переулка находятся и старинные, теперь заколоченные флигеля, амбары, вообще залы церковных построек и служебные флигеля... <...> Прекрасные дома на углу Среднего проспекта и набережной, старинные амбары, отлично обработанные дворы и особняк на Биржевом переулке –

как все это вместе (особенно с бывшим старым Гостиным двором) типично, цельно! Какой прекрасный угол старины сохраняется здесь... Еще и теперь любитель старины не пожалеет о потерянном времени, если заглянет сюда»...¹⁶

Прошу прощения за длинную цитату, но советую любителям старины поторопиться! А то ведь и к Гостиному двору, спроектированному Трезини, уже подобрались инвесторы. И что-то серо-бетонное встает за старыми стенами...

---

¹⁶ Лукомский Г. К. Старый Петербург: Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг., 1917.

«Новый Петербург»

В самом центре острова Декабристов находится полукруглая площадь, называемая ныне площадью Балтийских Юнг. В центре ее – памятник Юнгам Балтики, открытый 24 мая 1999 года (ск. Л. Ю. Эйшлин, арх. В. Л. Спиридонов, худ. В. Г. Пассарар). Особых достопримечательностей в округе нет – обычный жилой район. Кирпичные «столбики» 1960–1970-х годов вкраплены в жилмассив 1950-х, дальше к Наличной улице на намывных территориях – новое строительство. Но место это необычное, и его история прекрасно вписывается в известную нам долгую историю острова.

Мало кто из петербуржцев не знает старого названия острова Декабристов – Голодай. Легенды, связанные с этим именем многообразны: здесь и история о том, как жившие в землянках первые строители Петербурга мерзли и голодали, и искаженная фамилия англичанина Томаса Голлидэя, имевшего здесь фабрику. Связывается название острова и со шведским «халауа», что значит «ива» (наверно, были здесь ивовые заросли). И еще одна легенда – на этот остров любили приезжать на пикники шкипера-иностранцы со своими подругами. Праздновали – отсюда и искаженное английское holiday – «праздник» – ставшее Голодаем.

Странное место для пикников – веселым его не назовешь. Местность заливается при каждом наводнении, болота, да еще обилие кладбищ. Три Смоленских – православное, лютеранское и армянское – да еще безымянное на берегу залива, где, по преданию, хоронили лиц, умерших от дурных болезней...

Стал Голодаем остров Холидей.
Так праздник заменяется кладбищем.
Чем шкипера плясали веселей
с подругами своими – тем сильнее
и безнадежнее чухонский ветер свищет
над островом... Могилы пятерых
уже достаточно для славы страшноватой.
А бедная земля ничем не виновата.
Валун... Болотце... Ряд берез кривых...¹⁷

По легенде, именно здесь тайно зарыли тела пятерых декабристов. Говорят, что Пушкин совершенно точно знал место могилы, и современные исследователи по его рисункам и заметкам пытаются найти ее. В 1925 году при мелиоративных работах нашли несколько гробов с телами военных в мундирах николаевского времени и почему-то решили, что это останки декабристов. Увы, просто раскопали старинное кладбище. Но на Голодае в 1939 году все равно поставили обелиск (арх. В. Н. Бобров) в память о казненных декабристах.

«Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, не виданной еще роскоши столицы, неподалеку от Петербурга на необитаемом острове...». (Алексей Толстой «Хождение по мукам».)

Мрачна история острова – но есть в ней страница, вошедшая в учебники истории архитектуры. Здесь в начале XX века заложили город-сад «Новый Петербург».

История его строительства начинается в 1898 году, когда кандидат коммерческих наук Г. Л. Шалит приобретает в собственность большой участок земли в западной части острова Голо-

---

¹⁷ Из стихотворения автора.

дай. В том же году создается акционерное общество «Новый Петербург». Его цель – построить рядом с Петербургом город-спутник, состоящий из более чем 600 домов, предназначенных для самых разных классов населения: дома для рабочих, причем, весьма комфортабельные, с отдельными 2–3-х комнатными квартирами, и дома для более состоятельных людей. Предполагалось, что «Новый Петербург» будет утопать в зелени, а с центром его свяжет «электрический трамвай», проезд на котором планировалось сделать для жителей района бесплатным.

К осени 1899 года намечалось закончить строительство 10 четырехэтажных домов, и осушить довольно значительную территорию. Но, увы, деятельность нового общества не вызвала особого доверия, акции его расходились плохо, да и опытом такого масштабного строительства никто из учредителей «Нового Петербурга» не обладал. За первый и единственный строительный сезон успели возвести только стены четырехэтажного дома (современный адрес: пер. Каховского, 10) и два этажа дома по соседству. Автором проекта являлся архитектор В. Ф. Розинский.

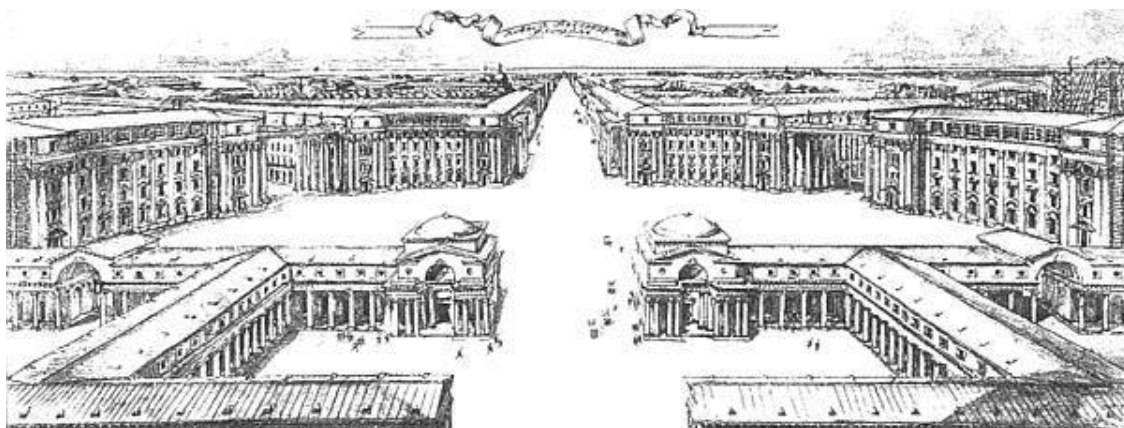
Несмотря на хлопоты Шалита, на его неоднократные обращения к премьер-министру С. Ю. Витте, общество «Новый Петербург» обанкротилось. Недостроенные дома ветшали, местность постепенно заболачивалась. Но вот, спустя десять лет, об идее постройки города-сада вспомнили снова. В Россию приехал итальянский миллионер Рикардо Гуалино. Он был человеком эпохи. Современники называли его «Рыцарем промышленности с поэтическим уклоном».¹⁸ Восьмой сын средней руки фабриканта из Пьемонта, Рикардо Гуалино, после окончания лицея, не стал продолжать дело отца, а отправился в «свободное плавание». Юноша получил диплом адвоката, написал и издал книгу стихов, торговал лесом и цементом. К тридцати годам Гуалино стал миллионером. Кроме того, он был известен, как знаток античного и восточного искусства, театрал. На своей вилле под Туринем и в замке Монферрато Гуалино собрал богатейшие коллекции. В начале века он заинтересовался перспективным восточноевропейским рынком и создал компанию «Румынский лес». Потом Гуалино приобрел имение Листвин в Волынской губернии на западе России. Через несколько лет здесь проложили ветку железной дороги, заработало большое лесоперерабатывающее предприятие, были построены школа, больница и дома для рабочих. Видимо, Гуалино полюбил эти края – свою дочь, родившуюся в Турине, он назвал Листвиной.

В начале 1910-х годов, приехав в Петербург, Гуалино узнал, что на одном из островов Петербурга есть обширный участок незастроенной земли. В начале 1911 года эта территория переходит в собственность Гуалино и созданной в Лондоне акционерной компании «St. Petersburg Land and Mortgage Co». Начинается второй этап строительства города-сада.

Планировку города поручили разработать одному из виднейших зодчих – представителю неоклассицизма Ивану Фомину. В работе также принял участие мастер северного модерна Федор Лидваль. Довольно необычный пример сотрудничества архитекторов столь разных направлений. Фомин и Лидваль начали с прогноза стоимости участка. Затем перешли непосредственно к проектированию. Три луча – Железноводская улица, нынешний переулок Каховского и третий – не проложенный – должны были сходиться на площади, образованной двумя полукруглыми зданиями с мощными колоннами и арками. Сохранился рисунок Фомина, на котором изображена центральная площадь нового города «с птичьего полета». Со стороны центра въезд в новый город обрамляли как бы «пропилеи» – два здания с галереями-колоннадами, заканчивающимися павильонами с куполами.

---

¹⁸ Федоров С. Г. «Новый Петербург» – забытая мечта Рикардо Гуалино // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.-СПб., 1993. Вып. 1.

Проект «Нового Петербурга» И. Фомина

В процессе строительства проект изменили – на месте планировавшихся общественных зданий Федор Лидваль возвел по сторонам Железноводской улицы два многоэтажных жилых дома (современный адрес: Железноводская ул., 19 и 34). Эти дома предназначались для «рабочих классов», поэтому они носили более обыденный характер, что, конечно, исказило первоначальный замысел Фомина. А из задуманных им полукруглых зданий на площади успели возвести только одно (современный адрес: пер. Каховского, 2), да и то не до конца. Кроме того, Фомин достроил дом, начатый еще при Шалите (пер. Каховского, 10). На скошенных углах здания появились ионические колонны, фасад украсился круглыми медальонами со скульптурными барельефами. Позднее, уже в советское время, здание надстроили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.